

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В РОССИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА
ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ:
ДИАЛОГ О ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
(1910 – 1917 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре истории России XIX века – начала XX века
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный консультант - **Захарова Лариса Георгиевна,**
доктор исторических наук, профессор,
МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный
сотрудник исторического факультета

Официальные оппоненты - **Иванов Андрей Александрович,**
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет», доцент кафедры новейшей истории России
Института истории

Перегудова Зинаида Ивановна,
доктор исторических наук,
Федеральное казенное учреждение «Государственный
архив Российской Федерации», главный специалист

Соловьев Кирилл Андреевич,
доктор исторических наук, доцент,
ФГБУН «Институт российской истории РАН»,
ведущий научный сотрудник

Защита состоится «26» сентября 2017 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета МГУ.07.01 Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва,
Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В.
Ломоносова, ауд. А419. E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский
проспект, д. 27), а также на сайте ИАС «ИСТИНА»:
http://istina.msu.ru/media/dissertations/dissertation/e2f/738/47687403/Gajda_Dissertatsiya.pdf

Автореферат разослан «27» июня 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Н.Г. Абрамова

Научная значимость и актуальность темы. Россия начала XX века переживала бурные социально-экономические изменения, которые превосходили по своим масштабам любые подобные явления ее предшествующей истории. Это не могло не вызвать в стране обострения внутренних противоречий, а они, в свою очередь, провоцировали политический кризис. Вопрос о пути и перспективах политического развития становился в такой ситуации не просто стратегически важным, он уже был для России первоочередным. В обсуждении этого вопроса так или иначе участвовали все субъекты политического развития (государственные, политические и общественные деятели, правительственные учреждения, партии и фракции, общественные организации и кружки). Исходя из понимания того, в каком направлении развивается и должна развиваться Россия, различные политические силы формулировали свои политические лозунги, предпринимали те или иные действия, оценивали друг друга, вступали в долгосрочные и кратковременные соглашения либо уклонялись от них, просчитывали последствия своих поступков. В конечном счете, из этого выстраивался и общий ход политических событий в последние годы дореволюционной России.

Нельзя не отметить того факта, что основные участники этого диалога потерпели в конечном счете в начале XX века политическое поражение: страна пошла не теми путями, которые были для них желательны, а во главе процесса встали те, кто в данном диалоге оставался на обочине. Однако констатация этого факта не должна породить нигилистического отношения к самому диалогу – хотя бы потому, что его темы (взаимодействие власти и общественности, политическое значение всероссийского и местного представительства, проблема политических свобод), а зачастую и порожденные им ответы на вопросы не потеряли своего значения и поныне. В современных условиях, когда развитие технологий, в том числе информационных, происходит с возрастающей скоростью, вопрос о характере и рамках политической либерализации и ее связи с устойчивостью политической

системы, стоит всё острее. Более актуальной становится проблема роли государственной власти в политическом развитии общества, способности общества к саморегулированию в данном процессе, рамок и механизмов подобного саморегулирования.

Объектом исследования являются представители государственной власти и общественности. Под представителями государственной власти понимаются, в первую очередь, *высшая бюрократия*¹, а также император Николай II. Представители придворных или военных кругов имеют для данной работы значение лишь в том случае, если они оказывали непосредственное влияние на монарха или высшую бюрократию. Под *общественностью*² понимаются представители цензового образованного общества. Цензовое общество было представлено в законодательных палатах и всероссийских организациях местного самоуправления (земские съезды, Земгор), печати и политических партиях. Для цензовой общественности были характерны либеральные и консервативные политические взгляды, но грань между ними была весьма условной. Социалистическая общественность, практически не имевшая цензового характера и занимавшая в рамках политического диалога маргинальное положение, объектом изучения в настоящей работе не является.

¹ Выдающийся отечественный исследователь российского чиновничества XIX в. П.А. Зайончковский ограничивал круг «высшей бюрократии», причастной к принятию важнейших решений по управлению государством, членами Государственного совета, Комитета министров, сенаторами, товарищами министров, директорами департаментов и главных управлений, а также послами и посланниками (Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 4). В начале XX столетия этот круг практически не изменился: Государственный совет в 1906 г. пополнился выборными представителями общественности, а министры перестали быть его обязательными членами.

² Правомерность использования понятий «общественность» и «образованная общественность» применительно к истории России II половины XIX – начала XX вв. рассматривается в статье Л. Хефнера (Хефнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетроф-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 35–60).

Предмет исследования. Основная проблематика исследования предполагает рассмотрение следующих вопросов, каждый из которых логически вытекает из предыдущего:

1) Взаимодействие власти и общественности по важнейшим политическим вопросам времени: о парламентаризме, политических свободах, местном самоуправлении (в его *политическом* аспекте).

2) Выработка и сосуществование альтернативных концепций внутренней политики, происходившие в условиях взаимодействия власти и общественности.

3) Осмысление политического настоящего и будущего России и Третьеиюньской системы.

Имея всероссийское значение, диалог в первую очередь развивался в публичном пространстве, однако для его всестороннего рассмотрения также необходимо обращение к политическим материалам, не предназначенным к оглашению.

Менее важные для данного периода политические (связанные с судом, административной и полицейской системой, неполитическими общественными организациями и т.д.), а также широкий комплекс социально-политических (национальных, образовательного) и социально-экономических вопросов (аграрный, рабочий), вопросов экономической, военной и внешней политики затрагиваются лишь косвенно, в связи с основной проблематикой.

Понимание сути обсуждавшихся вопросов невозможно без рассмотрения конкретных перипетий политических событий обозначенного периода. Принципиальные дискуссии всегда велись по конкретным поводам. Именно поэтому в основание работы положен хронологический принцип.

Третьеиюньской системе придается тот смысл, который в нее вкладывал ее основной автор П.А. Столыпин³: это система политического взаимодействия власти с цензовой общественностью с целью преодоления и предотвращения

³ Сам Столыпин термин «третьеиюньская система» не употреблял. Он появляется в социал-демократической публицистике с 1911 г.

революционного сценария развития России, налаживания ее быстрого и эффективного эволюционного развития. Борьба с революцией, при всей ее значимости, отнюдь не являлась единственной задачей Третьеиюньской системы, перед ней также формулировались задачи повышения обороноспособности и международной экономической конкурентоспособности России. Стоит отметить, что именно в рамках Третьеиюньской системы в России впервые стало возможно устойчивое и легальное существование политической оппозиции, что оказывало качественное влияние на развитие всего политического процесса. Лишь социал-демократы придавали «третьеиюньской системе» ярко выраженный социально-политический характер, для остальных сил третьеиюньский строй имел в первую очередь политико-юридические особенности, и прежде всего – самодержавно-парламентский дуализм. Такое понимание сохраняется и в данном диссертационном исследовании.

Хронологические рамки исследования обусловлены периодом кризиса Третьеиюньской системы. Он начался на рубеже 1910–1911 гг., когда политическая ситуация стала развиваться уже вне непосредственной связи с Первой русской революцией, обозначился общественный подъем, а сама Третьеиюньская система в марте 1911 г. испытала первый мощный кризис. В свою очередь, Февральская революция завершила историю Третьеиюньской системы и самодержавно-бюрократического строя в России в целом.

Территориальные границы исследования включают пространство Российской империи в ее границах на межреволюционный период.

Степень изученности проблемы. Историография проблемы взаимоотношений власти и общества в третьеиюньский период может быть разделена на следующие группы: 1) историография русского зарубежья, обычно принадлежавшая непосредственным участникам событий и тесно смыкающаяся с мемуарной традицией; 2) ранняя советская историография; 3) советская историография 1960-80-х гг.; 4) современная российская

историография; 5) западная историография. В основе подобной классификации лежит как хронологический принцип, так и проблемно-тематический.

Первоначальный интерес к теме был связан с ее острым политическим звучанием, что и отразилось в мемуаристике, публицистике и научных работах вплоть до 1960-х гг. Дискуссия велась о роли или «вине» различных участников (монарха и его ближайшего окружения, правительства, парламента, партий, конкретных лиц) в победе Февральской революции 1917 г. В этой связи в суждениях полностью доминировал ретроспективный подход, а сами они практически всегда имели публицистический характер.

Историография русского зарубежья. В эмигрантских кругах (как в либерально-оппозиционной, так и в бюрократической среде) конфликт власти и общественности рассматривался как основная причина Февральской революции 1917 г. В историографии русского зарубежья оформились две основные концепции, принадлежавшие бывшим активистам либеральной оппозиции – П.Н. Милюкову и В.А. Маклакову. Милюков полагал, что оппозиция противостояла агонизировавшей власти, спровоцировала и возглавила революцию⁴. Маклаков, в целом, принял взгляд Милюкова, но характеризовал действия либеральной оппозиции как деструктивные⁵. Разница между двумя концепциями заключалась в оценке последствий деятельности либералов. Позднее Милюков пришел к выводу, что оппозиция по вине власти не смогла изменить ход предреволюционных событий в эволюционном ключе, в результате произошла революция, которая и привела либералов к поражению⁶.

Работы историков-эмигрантов С.П. Мельгунова и Г.М. Каткова по общему взгляду были близки концепции Маклакова⁷. Определенное влияние

⁴ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001 [1-е изд.: Киев, 1919 – София, 1921].

⁵ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936; *Его же*. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

⁷ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003 [1-е изд.: Париж, 1931]; Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997 [1-е изд.: Лондон, 1984].

концепция оказала и на советскую историографию⁸. Однако данное направление в основном развивалось в конспирологическом ключе, что резко сужало горизонты ее методологии и тематики.

В целом, значение эмигрантской историографии заключается скорее в самой постановке проблемы взаимоотношений власти и общественности в начале XX в. Но научная разработка этой темы блокировалась как острой политизацией (в том числе непосредственной вовлеченностью авторов в предшествовавшие события), так и не менее острой проблемой малочисленности источников.

Ранняя советская историография. Публицистичность и сосредоточенность на объяснении причин революции еще более проявились в работах первых советских историков – в первую очередь, М.Н. Покровского. При этом публицистичность сопровождалась марксистской классовой теорией. По мнению Покровского, в предреволюционной России зрело 2 параллельных заговора – самодержавный и буржуазный. Слабая и соглашательская либеральная оппозиция лишь накануне Февраля попыталась организовать «дворцовый переворот» против деградировавшего самодержавия с целью избежать революции, но эта попытка была сорвана народными массами в феврале 1917 г.⁹. «Теория 2 заговоров» позднее развивалась Е.Д. Черменским¹⁰. Однако в более поздних работах он отказался от этого подхода и развивал противоположное представление о «властебоязни» либеральной оппозиции¹¹.

Для оценок советской историографии (особенно до второй половины 1970-х гг.) определяющее значение имела дореволюционная ленинская публицистика. В.И. Ленин еще в 1907 г. полагал, что в России существовало два правительства – официальное (столыпинское) и придворная камарилья –

⁸ Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1974; Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.

⁹ Очерки по истории Октябрьской революции. Под ред. М.Н. Покровского М.–Л., 1927.

¹⁰ Черменский Е.Д. Кадеты накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 35–45.

¹¹ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Его же*. Вторая российская революция. Февраль 1917 года. М., 1986.

которые и стремились сформировать в Думе два большинства – соответственно, либеральное (реформистское, буржуазное) и правое (реакционное, помещичье). На компромиссе двух правительств и двух стоящих за ними сил – помещиков и верхов буржуазии – по мнению Ленина, и держалась Третьеиюньская монархия. Далее он ограничивался лишь констатацией неизменного правления режима и «революционного подъема». Впервые об окончании периода контрреволюции Ленин заговорил в ноябре 1910 г., но впоследствии такая оценка подвергалась серьезным корректировкам¹².

Советская историография 1960-80-х гг. Поиски новых подходов обозначились в 1960-е гг. Первым и наиболее серьезным разработчиком данной темы стал В.С. Дякин. Он впервые привлек значительное число источников, включая и архивные. Дякин отказался от «теории 2 заговоров», отметил наличие противоречий и борьбы в правящей элите, реабилитировал постановку вопроса о фундаментальном политическом конфликте власти и либеральной оппозиции. Власть в ходе внутренней борьбы и под влиянием общих событий в стране, по мнению историка, фатально правела на протяжении всего периода 1907–1917 гг., а оппозиция пыталась лавировать между ней и страной. Реформаторский потенциал Столыпина был исчерпан уже в 1909 г., а его преемники никакой программы, кроме разве что демагогической, не имели. Николай II, как полагал Дякин, отрицал за Столыпиным и последующими премьерами право на формулирование какого-либо курса и тем самым парализовал деятельность объединенного правительства. Наоборот, правые в законодательных палатах, имея на своей стороне настроения придворных кругов, могли активно бороться со Столыпиным за реализацию своей политической программы. Государственный совет якобы был безраздельной вотчиной правых. Историк отчасти признавал силу либеральной оппозиции, но считал главным ее стремлением предотвращение революции, что было

¹² Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 1, 290–291; Т. 21. С. 339–346; Т. 22. С. 282, 287; Т. 23. С. 299–301, 329; Т. 25. С. 12; Т. 26. С. 218–219; *Его же*. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000. С. 158–160.

принципиально невозможно. Выводы Дякина оказались близки поздней концепции Милюкова¹³. Еще более характерно это влияние на работы В.И. Старцева¹⁴.

В конце 1960-х гг. в полемику с Дякиным вступил А.Я. Аврех, отстаивавший концепцию полного бессилия власти и либеральной оппозиции, их совместного правления в условиях назревания революции. Историк стремился доказать, что либеральная оппозиция лишь симулировала политическую борьбу. Борьба внутри самой власти представлялась историку «десятистепенной»¹⁵.

Выдающейся заслугой поздней советской историографии стало введение в научный оборот такого массива источников, который мог принципиально изменить подход к теме и открыть дальнейшие возможности для ее научного изучения.

Фактологический и методологический поиск *современной российской историографии* позволил ей внести основной вклад в изучение темы.

Отдельные фрагменты истории правящей бюрократии данного периода были подробно развиты в статьях Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского¹⁶. Работа А.П. Бородина, посвященная П.А. Столыпину, стала на настоящее время наиболее удачным и документально подкрепленным опытом в данной сфере. Важным представляется сделанный автором вывод о прочности позиций Столыпина после мартовского кризиса 1911 г.¹⁷. В книге Бородина о П.Н. Дурново была предпринята реконструкция вполне целостного

¹³ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967; *Его же*. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *Его же*. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

¹⁴ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977.

¹⁵ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 15, 22–24, 125, 128, 180, 206, 221, 288; *Его же*. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; *Его же*. Царизм накануне свержения. М., 1989.

¹⁶ См., напр.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 474–496.

¹⁷ Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.

политического мировоззрения этого значимого государственного деятеля¹⁸. Монография Ю.А. Векшиной посвящена В.Н. Коковцову и его деятельности на постах министра финансов и премьера. Автор вполне справедливо признает политический курс Коковцова инерционным. Отставка Коковцова рассматривается как следствие правой интриги, что вполне укладывается в мемуарную версию самого Владимира Николаевича¹⁹. С.Г. Беляев в своей монографии анализирует политику последнего министра финансов Российской империи П.Л. Барка, которую автор расценивает как относительно эффективную. С.Г. Беляев резонно считает Барка креатурой Кривошеина, хотя и не отмечает значения Столыпина в карьере министра финансов²⁰. Первым опытом политической биографии А.И. Гучкова стала книга А.С. Сенина²¹.

Серьезный вклад в изучение темы сделал С.В. Куликов, чья монография является наиболее фундаментальной по опоре на источники. Он рассматривает бюрократию как часть интеллигенции («служилая интеллигенция») и считает, что российское правительство вплоть до Февральской революции стремилось к проведению либеральных реформ, которые вели к формированию конституционной парламентской монархии. Исследуя правительственный курс в период Первой мировой войны, Куликов полагает, что на его формирование оказали решающее влияние либеральные взгляды монарха и министров, а также стремление идти на уступки законодательным палатам. Исследователь подразделяет правящую бюрократию по политическим взглядам и считает борьбу между ними основным стержнем политического процесса этого времени. Острый внутриправительственный конфликт, по мнению Куликова, стал основной причиной Февральской революции; либеральная оппозиция не сыграла в ее подготовке значимой роли. Император не зависел от «темных

¹⁸ Бородин А.П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013.

¹⁹ Векшина Ю.А. Граф В.Н. Коковцов. Государственный деятель Российской империи. СПб., 2008.

²⁰ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002.

²¹ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.

сил», «безответственных влияний» или своих придворных и до самого конца играл активную роль в политической сфере²².

Ряд работ был посвящен парламентским учреждениям и политическим партиям. Монография А.П. Бородина, в которой впервые был подробно рассмотрен вопрос о раскладе политических сил в Государственном совете, опровергает устоявшийся историографический тезис о палате как инструменте политики консерваторов²³. В работах В.А. Демина подробно рассмотрены статус, структура и механизм функционирования Государственной думы и Государственного совета²⁴. Проблеме становления феномена публичного политика в России начала XX в. на примере членов законодательных палат посвящено исследование И.К. Кирьянова²⁵.

В докторской диссертации О.Ю. Рыбка отмечалось, что к началу Первой мировой войны Дума стала «органичным элементом» системы государственной власти²⁶. Д.С. Лавринович считает, что правое крыло Прогрессивного блока стремилось сохранить деловые отношения с правительством и умиротворить своих более радикальных соратников по блоку²⁷. И.В. Леднева, наоборот, полагает, что лишь кадеты представляли собой «неудавшуюся альтернативу развития России», а «правооктябристское большинство Третьей Думы слышать не хотело о законопроектах, способных «запустить» социальные реформы и ограничить права короны»²⁸. Подробное рассмотрение проблемы отношения либералов к власти и революции в период мировой войны, а также истории

²² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

²³ Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.

²⁴ Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; *Его же*. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006.

²⁵ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

²⁶ Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России в начале XX века: дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 134, 379.

²⁷ Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев, 2006. С. 65, 66, 80–81.

²⁸ Леднева И.В. Либеральная оппозиция в III Государственной думе: 1907–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 66, 74, 77–78, 121, 194, 197, 197–199, 201.

создания Прогрессивного блока и борьбы за его сохранения содержится в монографии Ф.А. Гайды²⁹.

Большое развитие получила историография правых партий. Наиболее серьезный вклад в изучение этой проблематики соответствующего периода был сделан такими авторами, как Ю.И. Кирьянов³⁰, А.В. Репников³¹, А.А. Иванов³².

В начале XXI в. появились работы, в которых рассматривалось политическое взаимодействие власти и общественности. Исследование О.Р. Айрапетова посвящено политическим контактам Военного министерства, Ставки и генералитета с либеральной общественностью в третьей ионийский период: по мнению историка, установление прочного взаимодействия двух сторон способствовало падению самодержавия в феврале–марте 1917 г.³³. Об активной роли ЦВПК в событиях Февральской революции как следствии конфликта власти и общественных кругов пишут также С.В. Куликов³⁴ и В.А. Никонов³⁵.

В работах А.С. Тумановой рассмотрены взаимоотношения бюрократических структур и неполитических общественных организаций. Автор констатирует наличие двух противоположных мировоззрений и их проявления в конкретных обстоятельствах³⁶. Взаимодействию исполнительной и законодательной власти в 1906–1914 гг. посвящены работы К.А. Соловьева. Делая вывод о постепенном формировании механизмов взаимодействия правительства и парламента, Соловьев настаивает на том, что общие

²⁹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.

³⁰ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.

³¹ Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006; *Его же*. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

³² Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

³³ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.

³⁴ Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // *Российская история*. 2012. № 1. С. 69–90.

³⁵ Никонов В.А. Крушение России. М., 2011.

³⁶ Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002; *Ее же*. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

мировоззренческие установки бюрократии и различных политических сил в конечном счете помешали им наладить эффективное взаимодействие. С другой стороны, отмечается отсутствие единства в рядах представителей самих институтов – участников взаимодействия, слабое влияние премьеров на министерские назначения³⁷.

Западная историография истории России начала XX в. бурно развивалась с 1960–70-х гг. Работы, основанные на привлечении архивных материалов, были посвящены партиям³⁸, политике Столыпина³⁹, Государственному совету⁴⁰. Правительственный реформизм рассматривался в русле насильственного вмешательства в жизнь общества, которое само по себе развивалось в направлении демократии. Особого интереса к послестольпинскому периоду и проблематике взаимоотношений власти и общественности в узком смысле слова проявлено не было.

Западные историки, посвятившие свои работы изучению высшей бюрократии России XIX – начала XX в. (А. Рибер, Г. Йени, Д. Ливен), отмечают прагматизм как важную черту российских чиновников, а саму бюрократию расценивают как главную прогрессивную силу в дореволюционной России. Основной проблемой российской бюрократии, как представляется западным историкам, оставались ее фрагментированность и отсутствие объединенного кабинета⁴¹. Вслед за указанными работами появились и исследования, посвященные российской оппозиции. Л. Мак-

³⁷ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.

³⁸ Pinchuk B. The Oktobrists in the Third Duma, 1907–1912. Seattle; L., 1974; Edelman R. Gentry Politics at the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party. 1907–1917. New Brunswick, 1980; Вишневы Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.

³⁹ Hosking G.A. The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973; Waldron P. Between two Revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia. DeKalb, 1998; Ascher A. P.A. Stolypin. The Search of Stability in the Late Imperial Russia. Stanford, 2001.

⁴⁰ Korros A.S. A Reluctant parliament. Stolypin, nationalism and the politics of the Russian imperial State Council, 1906–1911. N.Y.; Oxford, 2003.

⁴¹ Rieber A. Bureaucratic politics in Imperial Russia // Social science history. Pittsburgh, 1978. Vol. 2. No 4; Yaney G. Bureaucracy as culture // Slavic rev. 1982. Vol. 41. No 1; Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. N. Haven & London, 1989.

Рейнолдс, К. Мацузато, Д. Далманн сосредоточили свое внимание на особенностях политической и экономической активности цензовой общественности и пришли к выводу о деструктивности ее поведения⁴².

В целом, следует отметить, что западная историография данной темы испытала не только влияние работ русских эмигрантов, но и исследований советских историков. Тем не менее, несомненным является большой вклад западных (американских и британских) историков в изучение проблемы российской бюрократии начала XX в. Была дана оценка институциональному аспекту деятельности чиновничества, а также специфике бюрократического взгляда на политику и оппозицию.

Таким образом, большинство заявленных в настоящей работе проблем в историографии рассматривались лишь в контексте иных сюжетов. Вопросы политического самосознания и самооценки, взаимного восприятия, механизмов формулирования политического курса практически не затрагивались. Без этого понять логику, рамки, альтернативы политического развития России в последние годы империи, а также причины революционного кризиса не представляется возможным.

Цель работы – изучение диалога власти и общественности о дальнейшем пути политического развития России в период кризиса третьеиюньской системы (1910–1917).

Для достижения цели исследования предполагается решение ряда **исследовательских задач**:

– проанализировать политическую ситуацию в конце 1910 – середине 1911 гг. и дискуссию о рамках и возможностях развития Третьеиюньской системы;

– изучить политический курс В.Н. Коковцова и связь его концепции «примирения» со столыпинским политическим наследием;

⁴² McReynolds L. The news under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-circulation press. Princeton, 1991; Emerging Democracy in the Late Imperial Russia. Case studies of local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the tsarist government, and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998; Late Imperial Russia: Problems and Prospects. Essays in honor of R.B. McKean. N.Y., 2005.

– рассмотреть формирование альтернативных концепций политического курса, сформулированных в 1912-1913 гг.;

– подвергнуть анализу возможности взаимодействия правительства и общественности в условиях предвоенного политического кризиса, «Нового курса», «Священного единения» и «патриотической тревоги»;

– осветить проблему отсутствия конструктивных стратегий власти и общественности летом 1915 – феврале 1917 гг.

Источниковая база диссертации. Привлеченные к исследованию письменные источники по принципу происхождения разделяются на две основные группы: принадлежащие учреждениям и организациям, а также отдельным лицам. Первая группа включает в себя официально-документальные материалы нормативного и делопроизводственного характера, а также материалы периодики, вторая – публицистику, переписку, дневники, мемуары.

Официально-документальные материалы принадлежат правительству, полиции, законодательным палатам, а также партиям и общественным организациям. Среди правительственной документации наибольшее значение имеют особые журналы заседаний Совета министров⁴³. В последнее время активно публиковались материалы правительственной законотворческой деятельности⁴⁴. В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) содержатся всеподданнейшие доклады, циркуляры, делопроизводство междуведомственных и министерских совещаний, а также подготовительные материалы по различным законопроектам⁴⁵. Опубликованы журналы и иные материалы Особого совещания по обороне⁴⁶. Ценнейшую информацию содержат материалы Департамента полиции и охранных отделений, находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ): аналитические записки и отчеты, в которых также содержатся сведения из

⁴³ Напр.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1910 год. М., 2001.

⁴⁴ П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. М., 2002.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1, 7-10, 12.

⁴⁶ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг. В 3 т. М., 2013.

перлюстрированных писем⁴⁷. Материалы «Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц» содержатся в ф. 1467 ГА РФ. Опубликованы стенограммы допросов «слуг прежнего режима» и показаний бывших оппозиционеров⁴⁸.

Особое значение среди делопроизводства законодательных палат имеют их стенографические отчеты общих собраний⁴⁹, дающие обильную информацию о борьбе различных политических сил (в том числе и правительства⁵⁰). Политизация заметна и в официальных обзорах деятельности Государственной думы⁵¹, и в принятых палатой законопроектах⁵². Опубликованные материалы комиссий⁵³ зачастую лишены подобной особенности. Внутренняя «кухня» Думы открывается благодаря материалам «осведомительного бюро» правительства в Таврическом дворце, которое возглавлял начальник Министерского павильона Л.К. Куманин⁵⁴.

Среди партийной документации своей насыщенностью выделяются материалы кадетов (опубликованные протоколы партийных съездов, конференций и ЦК, а также иные сохранившиеся в фондах ГА РФ

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 63, 102, 111.

⁴⁸ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. М.–Л., 1925–1927.

⁴⁹ Напр.: Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. I–III. СПб., 1910–1911; Государственный совет. Стенографические отчеты. VI сессия (1910–1911). СПб., 1910–1911.

⁵⁰ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шацилло, сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991.

⁵¹ Напр.: Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3–го созыва. 1907–1912. СПб., 1912.

⁵² Напр.: Государственная дума. Созыв IV. Проекты законов, одобренных Государственной думой. Сессия IV. Пг., 1915. Т. 1–3. См. также научное издание: Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006.

⁵³ Напр.: Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. IV созыв. Сессия IV. 1915–1916 гг. Вып. 1. Пг., 1916; Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III Государственная дума. IV сессия. СПб., 1911.

⁵⁴ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999, № 1–12; 2000, № 1–6.

материалы)⁵⁵. Материалы октябристов⁵⁶, прогрессистов⁵⁷, правых⁵⁸, съездов объединенного дворянства⁵⁹, общеземской организации⁶⁰ в силу своего характера или значения для темы были задействованы в меньшей степени.

К официальной документации непосредственно примыкают такие важнейшие источники, как неофициальные протоколы заседаний Совета министров, составленные помощником управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтовым⁶¹. Сохранились также внутренние записки представителей бюрократии⁶² и адресованные правительству записки частных лиц.

Материалы *периодической печати* ценны, в первую очередь, тем, что содержат сведения о развитии различных политических сюжетов. В работе были использованы официальные и неофициальные правительственные издания (газеты «Правительственный вестник», «Россия», «Московские ведомости»), официальные и неофициальные печатные органы правых (газета «Земщина», журнал «Прямой путь», журнал – газета «Гражданин») и националистов (газеты «Новое время» и «Свет»), официальные рупоры партий октябристов (газета «Голос Москвы») и прогрессистов (газета «Утро России»), неофициальные периодические издания кадетов (газеты «Речь», «Русские ведомости» и «Русская молва», журнал «Русская мысль»). Привлекались также

⁵⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2–3 (кн. 1). М., 2000; Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1–3. М., 1997–1998; ГА РФ. Ф. 523, 579.

⁵⁶ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. М., 1996–2000.

⁵⁷ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.

⁵⁸ Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998.

⁵⁹ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. М., 2001–2002.

⁶⁰ Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1916.

⁶¹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

⁶² Напр.: Записки Н.И. Туган-Барановского по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики (1914–1915). Подготовка текста, вступительная статья и примечания С.В. Куликова // Неостор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 141–174.

материалы наиболее популярной и массовой газеты «Русское слово», газеты националистического направления «Биржевые ведомости» и др. Наиболее важными качествами периодики как поставщика фактической информации являются информированность и оперативность.

Политическая *публицистика* предоставляет неисчерпаемые ресурсы для анализа. Наиболее значимой по характеру является публицистика кадетов П.Н. Милюкова⁶³ и П.Б. Струве⁶⁴, националистов М.О. Меньшикова⁶⁵ и В.В. Розанова⁶⁶, консерватора Л.А. Тихомирова⁶⁷, а также автора передовиц официозной «России» И.Я. Гурлянда и политического обозревателя И.И. Колышко⁶⁸.

Источники личного происхождения подразделяются на синхронные и ретроспективные. К первым относятся текущая переписка и личные дневники, к вторым – мемуары и письма мемуарного характера. Наиболее значимой для данной темы является *переписка* императора⁶⁹, представителей высшей бюрократии П.А. Столыпина⁷⁰, В.Н. Коковцова⁷¹, И.Л. Горемыкина⁷², А.В. Кривошеина⁷³, гр. С.Ю. Витте⁷⁴, Н.А. Маклакова⁷⁵, консерваторов

⁶³ Милюков П.Н. Тактика фракции Народной свободы во время войны. Пг., 1916.

⁶⁴ Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997. и др.

⁶⁵ Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998; *Его же*. Письма к русской нации. / Сост., вступ. статья и прим. М.Б. Смолина. М., 2002; *Его же*. Национальная империя. М., 2004.

⁶⁶ Розанов В.В. Собрание сочинений. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николукина. М., 2006. и др.

⁶⁷ Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 10, 11 гг.). М., 1912.

⁶⁸ Баян-Рославлев [Колышко И.И.] Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913.

⁶⁹ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3–5. М. – Пг. (Л.), 1923, 1926–1927; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1; ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1; РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1.

⁷⁰ П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006; РГИА. Ф. 1662. Оп. 1.

⁷¹ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11.

⁷² Там же. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1900.

⁷³ А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы I мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве. Под ред. С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 40–61; РГИА. Ф. 1571. Оп. 1.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1145.

⁷⁵ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288.

гр. С.Д. Шереметева⁷⁶ и гр. А.А. Бобринского⁷⁷, октябристов А.И. Гучкова⁷⁸ и В.И. Герье⁷⁹, мирнообновленца Д.Н. Шипова⁸⁰, прогрессиста кн. Е.Н. Трубецкого⁸¹, кадетов М.В. Челнокова⁸² и И.И. Петрункевича⁸³.

Среди *дневников* необходимо выделить записи начальника канцелярии IV Государственной думы Я.В. Глинки⁸⁴, октябриста И.С. Ключева⁸⁵, кадета А.В. Тырковой⁸⁶, правых Л.А. Тихомирова⁸⁷, гр. С.Д. Шереметева⁸⁸ и гр. А.А. Бобринского⁸⁹.

Наиболее важной отличительной чертой *мемуаров*, как известно, является их ретроспективность. По большей части мемуары были написаны в постреволюционный период в эмиграции (иногда – в советской России), что наложило на них серьезный отпечаток. Наиболее значимыми и показательными мемуарами чиновников стали воспоминания С.Е. Крыжановского⁹⁰, С.И. Тимашева⁹¹, П.Л. Барка⁹², кн. В.Н. Шаховского⁹³, А.Н. Яхонтова⁹⁴,

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1.

⁷⁷ Там же. Ф. 1412. Оп. 3.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 555.

⁷⁹ Переписка Д.Н. Шипова с М.В. и Е.К. Челноковыми (1897–1914) // Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 176–391; НИОР РГБ. Ф. 70.

⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 440.

⁸¹ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997; НИОР РГБ. Ф. 171.

⁸² «У нас беда – страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903–1912 гг. (Публ. Ф.А. Селезнева) // Исторический архив. 2004. № 1, 2, 4; ГА РФ. Ф. 810.

⁸³ ГА РФ. Ф. 579 (Милюков П.Н.) и др.

⁸⁴ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биограф. словарь и коммент. Б.М. Виттенберга. М., 2001.

⁸⁵ РГИА. Ф. 669. Оп. 1.

⁸⁶ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012.

⁸⁷ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008; ГА РФ. Ф. 634.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1.

⁸⁹ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 127–150; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8.

⁹⁰ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г.

⁹¹ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 95–130.

М.А. Таубе⁹⁵, В.Б. Лопухина⁹⁶, И.И. Тхоржевского⁹⁷. Мемуарные записи гр. С.Ю. Витте составлялись после его отставки с поста премьер-министра и носят на себе отпечаток еще не завершенной политической борьбы⁹⁸. В воспоминаниях гр. В.Н. Коковцова пафос самооправдания довлеет над всем повествованием⁹⁹. Своей особой спецификой выделяются мемуары В.И. Гурко¹⁰⁰, побывавшего как в правительственном, так и оппозиционном лагере¹⁰¹. Воспоминания А.Н. Наумова¹⁰², написанные на основе дневника, отличаются большой информативностью; министр земледелия был представителем общественных кругов (умеренно-правым), что наложило отпечаток на его взгляды. Воспоминания гр. П.Н. Игнатьева¹⁰³ также выделяются явным стремлением оправдать свое присутствие в составе предреволюционного правительства, находившегося, по мнению мемуариста, под контролем «темных сил». Это свойственно и мемуарам С.Д. Сазонова¹⁰⁴.

⁹² Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1955. № 43, 48; 1959. № 91; 1965. № 157–161, 165–168; 1966. № 169–184.

⁹³ Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952.

⁹⁴ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. Под ред. Р.Ш. Ганелина и М.Ф. Флоринского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 245–348.

⁹⁵ Таубе М.Ф. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007.

⁹⁶ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008.

⁹⁷ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.

⁹⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. В 2 т. СПб., 2003.

⁹⁹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). В 2 кн. Париж, 1933 [репринт: М., 1992].

¹⁰⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

¹⁰¹ Андреев Д.А., Гайда Ф.А. В.И. Гурко и его воспоминания // Отечественная история. 2002. № 6. С. 141–148.

¹⁰² Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954–1955.

¹⁰³ Игнатьев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 8. С. 300–320; № 9. С. 276–292.

¹⁰⁴ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927.

Свою специфику имеют и мемуары полицейских деятелей. Последнему начальнику петроградского охранного отделения К.И. Глобачеву¹⁰⁵ необходимо было объяснить читателю причины неудачи в пресечении Февральской революции. Сходный пафос характерен для мемуаров П.Г. Курлова и труда А.И. Спиридовича¹⁰⁶. Воспоминания В.Ф. Джунковского (составлены на основе дневника)¹⁰⁷ внешне отличаются более спокойным стилем, но оценки различных деятелей в них весьма рельефны и критичны.

Общественные деятели оказывались перед необходимостью решения двойной задачи: обоснования своей оппозиционности накануне революции и объяснения собственных неудач в ее ходе. Когда доминировала первая проблема, рисовалась яркая и фатальная картина деградации «старого режима», а единоборство с ним оказывалась в центре внимания. Таковы мемуары кадетов П.Н. Милюкова¹⁰⁸ и И.В. Гессена¹⁰⁹, октябристов А.И. Гучкова¹¹⁰, М.В. Родзянко¹¹¹ и С.И. Шидловского¹¹². В случае первоочередности второй проблемы обычно преувеличивалась степень собственной умеренности, а ближайшие соратники подвергались жесткой критике. Это характерно для мемуаров кадетов В.А. Маклакова¹¹³, А.В. Тырковой¹¹⁴ и кн. В.А. Оболенского¹¹⁵, октябриста Н.В. Савича¹¹⁶, националиста

¹⁰⁵ Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.

¹⁰⁶ Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 2 т. Нью-Йорк, 1920.

¹⁰⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997.

¹⁰⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

¹⁰⁹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 22. Берлин, 1937.

¹¹⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

¹¹¹ Родзянко М.В. Крушение империи (записки председателя Русской Государственной думы) // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 17. Берлин, 1923. С. 5–169.

¹¹² Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923.

¹¹³ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936.

¹¹⁴ Тыркова А.В. То, чего больше не будет. Париж, 1954.

¹¹⁵ Оболенский В.А., кн. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.

¹¹⁶ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993.

В.В. Шульгина¹¹⁷. Мемуары общественных деятелей, в целом, более рефлексивны, чем воспоминания чиновников. Часто они более образны, при этом они могут быть менее информативными.

Начиная с последнего десятилетия XX века процесс активной публикации документов по истории России рассматриваемого периода лишь набирал силу. Введение новых источников в научный оборот происходило значительно медленнее. Таким образом, источники по теме исследования не только требуют дальнейшего изучения, но и вполне позволяют раскрыть ее в достаточном объеме.

Методологическая основа исследования. В своем исследовании автор руководствовался такими общезначимыми для исторической науки принципами, как историзм и академизм. Принцип историзма предполагает рассмотрение событий в их целостности и последовательности, обнаружение их внутренней, а не навязываемой извне логики и динамики. По представлению автора диссертации, наиболее адекватно общие философские принципы и задачи исторического исследования были сформулированы М. Хайдеггером в его фундаментальном труде «Бытие и время». Становление этого выдающегося мыслителя пришлось на исследуемую в книге эпоху. Историография, по мысли философа, призвана адекватно реконструировать ситуацию, в которой каждый человек реализует свой человеческий потенциал, собственно и становится человеком¹¹⁸. Близки взглядам Хайдеггера и идеи его современника М.М. Бахтина, выраженные в очерке «К философии поступка»¹¹⁹. В исследовании была также использована теория диалога, выработанная Бахтиным. Она предполагает реконструкцию «внутренней правды» участников исследуемого события, их «диалога», понимаемого в широком смысле этого слова (взаимодействия, становящегося смыслом события)¹²⁰.

¹¹⁷ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

¹¹⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. / Статьи и выступления. Пер. и предисл. В.В. Бибихина. М., 1993. С. 367–397.

¹¹⁹ Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 7–68.

¹²⁰ *Его же*. Проблемы творчества Достоевского // Там же. Т. 2. М., 2000. С. 5–175.

При ответе на наиболее важные вопросы, связанные с политической историей России предреволюционного времени, неизбежным является рассмотрение мировоззрения, мотивации, механизма выработки решений как представителей власти, так и общественности. В данном исследовании применяется метод ситуационного анализа, разработанный в политической науке¹²¹. Вычленились субъекты ситуации, их ресурсы и взаимоотношения (восприятие и действия), внешняя среда, последствия свершившегося взаимодействия. Ситуационный анализ позволяет раскрыть суть развития событий, а также определить различные возможности развития исторической ситуации. Опираясь на рассмотрение внутренней логики ситуации, автор исследования может сохранить объективность собственного подхода.

Принцип академизма предполагает опору на исторические источники, их привлечение в наиболее полном виде и последующий отбор, критический подход к их изучению, системность, доказательность и непроизвольность суждений, обоснованность и последовательность выводов.

Опираясь на принципы историзма и академизма, автор использовал ряд основных методов исторической науки. Историко-описательный метод дал возможность выстроить основную событийную канву и исторический фон основного сюжета. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть различные политические дискуссии и коллизии в той исторической последовательности, в какой они сами проявлялись. Только так возможно было понять их внутреннюю логику и реальную (а не отвлеченно-теоретическую) связь между собой. Как уже было отмечено, принципиальной в данном случае является и максимальная контекстуализация рассматриваемых вопросов. Компаративный метод позволил проводить сравнение мотивов, целей и действий различных участников событий, а также эволюцию позиции каждого из них.

Научная новизна. Настоящее исследование впервые рассматривает проблему диалога власти и общественности в период кризиса Третьеиюньской

¹²¹ Weimer D., Vining A. Policy Analysis: Concepts and Practice. Englewood Cliffs, 1992.

системы в качестве центрального сюжета. В историографии практически не затрагивались вопросы взаимного восприятия представителей власти и общественности, возникающей в ходе диалога эволюции политического самосознания и самооценки, а также механизмов формулирования политического курса. В значительной степени новизна работы также связана с введением в научный оборот материалов периодики, которые ранее практически не рассматривались в данном ключе, а также массива перлюстрации Департамента полиции.

Практическая значимость работы. Материалы и выводы исследования могут быть полезны при выработке курса внутренней политики различными ветвями государственной власти, а также при формулировании и реализации программ политических партий и общественных движений. Положения диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных и специальных курсов по истории России, политологии, истории государственного управления.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность исследования определяется широтой источниковой базы, включающей опубликованные и архивные материалы (в частности, документы 130 фондов из 10 архивохранилищ гг. Москвы и Санкт-Петербурга), а также применением научных методов при их анализе. Основные положения диссертации отражены в 83 публикациях общим объемом 128 п.л., в том числе в 2 монографиях: «Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г.» (М.: РОССПЭН, 2003) и «Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917)» (М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016). Материалы исследования были опубликованы в таких ведущих исторических журналах, как «Российская история» (до 2009 г. – «Отечественная история»), «Родина», «Вестник Московского университета. Серия 8. История», «Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда», «Russian Studies in History» (США). Автор исследования апробировал результаты исследования в ходе международных и всероссийских научных

конференций: международные – Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения П.А. Зайончковского (Россия, Москва, 2004 г.), «Немецкий и российский университет в XIX – начале XX вв.» (Германия, Галле, 2006 г.), «Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков» (Россия, Москва, 2009 г.), «П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина» (Россия, Москва, 2011 г.), «От Древней Руси к Российской Федерации: история Российской государственности» (Россия, Москва, 2012 г.), «Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой» (Россия, г. Калининград, 2014 г.), «Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы истории парламентаризма» (Россия, С.-Петербург, 2015 г.), «Россия и славянские народы Восточной Европы в XIX – XX веках» (Беларусь, Минск, 2016 г.) и др.; всероссийские – «Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры» (Ярославль, 2008 г.), «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии» (Орел, 2014 г.), «Политическая история России XX в.: памяти доктора исторических наук, профессора В.И. Старцева» (Санкт-Петербург, 2015 г.) и др.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав (включающих двадцать один параграф), заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений. Каждая глава включает в себя разделы, посвященные отдельным проблемам.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и научная значимость темы исследования, формулируются его объект, предмет, цель и задачи, определяются методология, хронологические рамки и территориальные границы, характеризуются степень изученности проблемы и источниковая база, обозначаются научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

В **первой главе** «Историография проблемы. Источники по теме исследования» освещается историографическая традиция изучения темы и ее источниковедческий аспект. Историография анализируется на основе хронологического и проблемно-тематического принципов. Осуществлена классификация используемых источников, приводится характеристика соответствующих групп и наиболее значимых документов.

Вторая глава «Политическая ситуация в конце 1910 – середине 1911 гг.: рамки и возможности Третьеиюньской системы» посвящена рассмотрению положения основных политических субъектов Третьеиюньской системы (самодержавия, правительства, законодательных палат) накануне и в ходе первого серьезного кризиса в ее развитии.

В *первом параграфе* рассматриваются политические программы правительства и наиболее значимых парламентских партий. Показано, что, реализуя «националистическую» программу, Столыпин рассчитывал на расширение социальной базы своей политики. Между октябристами и националистами как правительственной опорой присутствовала принципиальная разница – в силу отличий их партийной структуры и социальной опоры. Октябристы ориентировались на социальную элиту и были более самостоятельны, националисты – более демократичны и более зависимы. «Националистический» курс послужил причиной конфликта Столыпина и с правыми, и с октябристами.

Во *втором параграфе* проанализированы проблемы взаимодействия правительства и Государственной думы на рубеже 1910–1911 гг. В этот период думские фракции постепенно втягивались в предвыборную кампанию. Вопросы, связанные с народным просвещением, стали для Думы, и прежде всего октябристов, поводом для демонстрации независимости своей позиции по отношению к правительству.

Третий параграф реконструирует ситуацию мартовского кризиса 1911 г. Правительство и законодательные палаты впервые после окончания Первой русской революции 1905–1907 гг. вступили между собой в открытое

противоборство. Конфликт возник на почве разногласий по вопросу о развитии местного самоуправления. Тем не менее, конституционный кризис завершился фактическим восстановлением предкризисного состояния: правительство сохраняло политическую инициативу, Государственный совет – свою автономность, октябристы – условную лояльность.

Четвертый параграф посвящен политической полемике в ближайшие месяцы после разрешения конституционного кризиса. Несмотря на личное охлаждение между императором и премьером, политическое положение Столыпина все же оставалось достаточно прочным. Происходила не агония, а трансформация правительственного курса, его корректировка под влиянием обстоятельств и эволюции взглядов премьера.

В третьей главе «Политический курс Коковцова: концепция «примирения» и столыпинское наследие (сентябрь 1911 – декабрь 1912 гг.)» рассматривается ближайшее политическое наследие Столыпина, попытки нового премьера Коковцова подвергнуть правительственную политику ревизии, а также реакцию на них со стороны политических партий и парламентских фракций.

В первом параграфе проанализированы первые после смерти Столыпина изменения осени 1911 г. Принципиальным вопросом политической жизни России после смены председателя правительства был вопрос о том, сможет ли правительство сформулировать единую стратегию развития, сохранить инициативу в своих руках, наладить конструктивные отношения с палатами. Дополнительным обстоятельством, обострившим данную проблему, были предстоящие в 1912 г. парламентские выборы. Вопросы свободы слова в парламенте и прессе в подобной ситуации не могли не выйти на передний план. Сформулированная Коковцовым политика «примирения» было попыткой перейти от «контрреволюции» к «спокойному развитию».

Во втором параграфе рассмотрена ситуация, при которой в отсутствие отчетливой правительственной стратегии каждая партия выстроила свою предвыборную стратегию на оппозиционных лозунгах. С начала 1912 г.

обозначился конфликт правительства и Думы на принципиальной почве: в вопросе депутатской неприкосновенности.

В *третьем параграфе* освещены события, непосредственно связанные с думскими выборами 1912 г. Правительство не смогло сформулировать единой линии при их организации: если Коковцов попытался вести запоздалые переговоры с торгово-промышленниками и октябристами, то министерство внутренних дел при проведении кампании ответило применением административных мер и попыталось сделать ставку на правых. В результате ни одна крупная политическая сила не добилась на выборах серьезного результата.

Осмыслению результатов выборов различными участниками событий посвящен *четвертый параграф*. Результатами политической линии Коковцова стали скандальные выборы, дискредитация правительства, недееспособная IV Дума. Правительственный курс не имел политического обеспечения. Именно этим, а не «общественным подъемом» или «революционной ситуацией» определялась политическая повестка дня.

В **четвертой главе** «Формирование альтернативных концепций политического курса (декабрь 1912 – январь 1914 гг.)» проанализированы процессы политической децентрализации в правительственной и парламентской среде. Кризис усложнил расстановку сил на политическом поле, привел к активизации ряда радикальных политических сил – как в самом Совете министров, так и среди оппозиции. Сложившаяся к концу 1912 г. ситуация требовала формулирования и реализации целостных концепций дальнейшего развития.

Первый параграф освещает ситуацию, связанную со сменой главы МВД в декабре 1912 г. Приход в правительство Н.А. Маклакова создавал новую расстановку сил в правительстве и усиливал ожидания скорой отставки премьера. В парламенте шло оформление нового фракционного спектра, однако основания для создания большинства так и не сложились.

Во *втором параграфе* проанализирована полемика первой половины 1913 г., в центре которой впервые оказались вопросы, принципиальные для основ Третьеиюньской системы: печать, земство, взаимоотношения между властями. Речь шла о диаметрально противоположных взглядах на перспективы развития этих институтов.

Третий параграф посвящен реакции различных политических сил на декларацию А.В. Кривошеина. Летом – осенью 1913 г. политическая альтернатива в правительственной политике обозначилась вполне четко. Если Маклаков вовсе не предполагал опоры на общественность, то Кривошеин намеревался сформировать в Думе большинство, в центре которого оказались бы октябристы.

В *четвертом параграфе* рассматривается политическая ситуация накануне отставки В.Н. Коковцова. Главной причиной отставки премьера стала его внутриполитическая несостоятельность – концепция «примирения» стала лишь прикрытием чисто бюрократического желания уйти от решения политических вопросов. Кривошеин делал ставку на октябристов, что спровоцировало внутренние противоречия и раскол фракции. Прогрессисты так и не смогли выстроить четкой политической стратегии. Их единственным шансом было широкое оппозиционное объединение. Кадеты сохраняли курс на самоизоляцию в расчете на дальнейшее развитие политического кризиса.

Пятая глава «Поиски возможностей взаимодействия правительства и общественности в условиях политического лавирования (январь 1914 – июнь 1915 гг.)» реконструирует различные линии политического взаимодействия накануне Первой мировой войны и в первый военный год.

В *первом параграфе* рассматривается оформление «Нового курса» правительства И.Л. Горемыкина. «Новый курс» не планировался и не стал сдвигом правительственной политики вправо, наоборот, он предполагал установление контакта с общественными силами. Первоочередной задачей стало формирование в Думе проправительственного большинства.

Второй параграф посвящен неудачным попыткам формирования оппозиционных альтернатив «Новому курсу». Сторонникам Кривошеина удалось добиться относительного успеха как в правительстве, так и в парламенте.

Третий параграф освещает политическую ситуацию периода «Священного единения», которое со стороны власти стало логическим продолжением «Нового курса» и попыткой соглашения с общественными силами на патриотической платформе. Общественные силы поддержали этот шаг, воспользовавшись его преимуществами (в первую очередь, создание щедро финансируемых правительством всероссийских общественных организаций), но оговаривая себе серьезные уступки в будущем.

В *четвертом параграфе* проанализирована ситуация реанимирования оппозиционной деятельности («патриотическая тревога» 1915 г.). Весной–летом 1915 г. «либеральная пьеса» Кривошеина вступила в решающую стадию. Формирование единого правительства под его негласным руководством было завершено. Общественные организации позволили оппозиции не только восстановить политический потенциал, но и существенно расширить свои возможности влияния на ситуацию.

Шестая глава «Власть и общественность в отсутствие конструктивных стратегий (июль 1915 – февраль 1917 гг.)» посвящена развитию политического взаимодействия в последние полтора года «старого порядка». Обстоятельства лета 1915 г. впервые в истории Третьеиюньской системы передавали стратегическую инициативу в руки оппозиции. Стали актуальны вопросы политической реформы и парламентского контроля.

В *первом параграфе* реконструируется ситуация июля – сентября 1915 г. В этот период правительство впервые со времен Первой русской революции продемонстрировало, хоть и ненадолго, кардинальную потерю ведущей роли в развитии политических событий. Конфликт в правительстве был вызван как внешними (военные поражения, активизация общественности), так и внутренними (появление новых фигур в составе Совета министров) факторами.

Кадетам, благодаря их новой тактике («министерство доверия»), удалось завоевать доверие дезориентированных еще накануне войны октябристских фракций и перехватить инициативу в создании парламентского блока у прогрессистов. В созданном в августе 1915 г. Прогрессивном блоке именно кадетам принадлежала доминирующая роль. Захватив инициативу, они получили возможность подчинить думское большинство своим партийным целям.

Во *втором параграфе* рассматривается период с сентября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Новые фигуры, пришедшие в правительство (А.Н. Хвостов, А.Ф. Трепов, Б.В. Штюмер, А.Н. Наумов), были призваны поменять сам стиль правительственной деятельности, выбить политическую инициативу из рук либеральной оппозиции.

В *третьем параграфе* освещены обстоятельства «штурма власти», который привел к деморализации правительства и победе Февральской революции. Прочность Прогрессивного блока обеспечивалась кризисной ситуацией военного времени и возможностью постоянной критики правительства. Подобное политическое поведение только расшатывало политический строй, однако в целом способствовало росту авторитета кадетского руководства в стране.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования. Низкий уровень благосостояния и грамотности населения, слабые традиции самоуправления, ускоренная экономическая трансформация и связанный с этим рост социальных проблем, ярко выраженная полиэтничность становились основными факторами риска Российской империи в мирное время. Мировая война лишь усугубляла их. Необходимость взвешенной политической стратегии была крайне высокой, что обостряло полемику о ее содержании. Неразвитая политическая культура элиты стала причиной некоторых специфических черт этой полемики – ее безапелляционности, а зачастую и поверхностности с явными признаками демагогии. Однако основная проблема заключалась не в том, что участники полемики пребывали в несводимых

политических измерениях. Как показывал повседневный политический опыт, при желании они вполне умели стовариваться. Речь скорее шла о нежелании соотносить собственные корпоративные интересы с интересами общенациональными.

Политические изменения, произошедшие вследствие Первой русской революции, неизбежно выдвигали вперед две силы – бюрократию и класс профессиональных политиков. Основными субъектами политической ситуации с 1907 г. выступали правительство Столыпина и доминировавшие в Думе октябристы. Влияние императора на развитие событий было скорее эпизодическим и в целом направленным на сохранение существовавшего положения. Обычно это выражалось в смене членов правительства. Основная проблема функционирования Совета министров заключалась не в отсутствии у премьеров возможности инициировать назначения министров, а в общем инерционном характере кадровых изменений. Сказались системные слабые черты бюрократического строя: стремление системы к формализации и консервации, неприятие политического лидерства, внутренние конфликты.

Столыпин – главный творец Третьеиюньской системы – рассматривал ее как инструмент политического взаимодействия власти с социальными верхами и «цензовой общественностью» с целью социально-экономического развития и предотвращения революционной угрозы. При этом октябристы рассчитывали на усиление позиций партии за счет парламентских рычагов контроля над правительством.

Либеральная оппозиция (в первую очередь, кадеты) настаивала на создании в России европейской модели будущего, которая даже на Западе существовала пока лишь как проект. На протяжении всего рассматриваемого периода парламентская оппозиция не могла противопоставить власти сколько-нибудь развернутую законодательную программу – как по причине малочисленности разработанных законопроектов, так и в силу непреодолимых противоречий между фракциями. По мере развития политической ситуации и расширения кризиса Третьеиюньской системы значение приобретали кадеты, а

также – но лишь отчасти – правые в Государственном совете. Кадетская программа предполагала тотальный демонтаж Третьеиюньской системы. Правые критиковали столыпинскую политику, но фактически не имели сформулированной альтернативы ей. Существенной социальной поддержки такие взгляды не имели, как правило они также не находили понимания и у монарха и бюрократии. По сути, единственной альтернативой политического развития была столыпинская эволюция Третьеиюньской системы или масштабная социально-политическая дестабилизация.

Официальный национализм стал основой правительственного курса с 1909–1910 гг. Провозглашая и реализуя «националистическую» программу, Столыпин рассчитывал на расширение социальной базы своей политики. Слабой стороной этого курса, наряду с провоцированием недовольства национальных меньшинств, были столь важные, но не проясненные вопросы парламентаризма и политических свобод.

Следствием политической эволюции стало создание правительством партии русских националистов. В отличие от октябристов, националисты являлись инструментом правительства. Вместе с тем, националисты по своему социальному составу были демократичнее октябристов. «Националистический» курс не мог устраивать ни правых (в силу его общей – в целом либеральной, парламентаристской и антисословной – направленности), ни октябристов (уход вправо в перспективе приближавшихся думских выборов означал для партии полное политическое фиаско). Однако правые были крайне слабы, а всякая оппозиционная деятельность октябристов оборачивалась только против них самих, была чревата расколом и усиливала позиции лояльных правительству фракций.

Политическое положение Столыпина все же оставалось достаточно прочным. Правительственный курс испытывал не агонию, а достаточно последовательную трансформацию. В ходе этого процесса Столыпин вступил в открытый конфликт с правыми, а также потерял стратегическую поддержку

лидеров октябристов. Тем не менее, серьезные альтернативы столыпинскому курсу по-прежнему так и не были сформулированы.

Основные сюжеты текущей политической полемики этого времени были связаны с вопросами взаимодействия правительства и парламента (механизма взаимодействия правительства и парламентского большинства: октябристской и националистической моделей), а также перспективами развития местного самоуправления (земства). Вопрос о западном земстве, ставший поводом для конституционного кризиса в марте 1911 г., был прежде всего вопросом о сословном, а не национальном характере земского электората.

Назначенный после смерти Столыпина Коковцов, в отличие от прежнего премьера, ни в силу личных качеств, ни в силу сохраняемого им поста министра финансов не имел возможности сплотить вокруг себя весь состав правительства. Совет министров был обречен на внутренний конфликт. И октябристы, и националисты пытались заручиться поддержкой нового премьера, но не получили ее. Если при активной роли Столыпина центральным звеном парламента были правые октябристы, то при отсутствии таковой основная инициатива постепенно переходила к левому центру (прогрессистам, кадетам). Эта тенденция стала фатальной для всей политической системы. Если земский вопрос октябристы воспринимали через призму своего достаточно устойчивого социального положения, то в достаточно новых вопросах, в частности, связанных с правами парламента, могли выступить в коалиции с более радикальными силами. В рамках Третьеиюньской системы это блокировало законодательный процесс, а сам парламента превращался в деструктивную силу.

В отсутствие отчетливой правительственной стратегии каждая партия на думских выборах 1912 г. предпочитала использовать оппозиционные лозунги. При этом выборы не принесли успеха ни одной политической силе, за исключением связанной с московскими торгово-промышленниками партии прогрессистов.

В Совете министров в это время оформились различные точки зрения о направлении дальнейшего развития. Если главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин предлагал широкое соглашение с думским большинством на платформе последнего, то министр внутренних дел Н.А. Маклаков настаивал на фактическом сворачивании всей Третьеиюньской системы.

Политически близкие Маклакову правые в Государственном совете также потеряли поддержку власти, а думские правые по мере развития ситуации приобрели явные черты правой парламентской оппозиции. В конфликтах правительства и советских правых верховная власть в конечном счете занимала правительственную позицию. Именно поэтому правому крылу Государственного совета удавалось отстаивать свою позицию в вопросах местного самоуправления или образования лишь тогда, когда оно пользовалось полной или частичной поддержкой правительства. Консервативная альтернатива, таким образом, имела перспективы, но они постепенно сужались.

После скандальных выборов 1912 г. кризисное развитие ситуации вело к радикализации фракций. Центральными стали новые вопросы – о бюджетных правах Думы и депутатской неприкосновенности. Вопросы имели острый политический подтекст и потому были трудноразрешимыми. Кроме этого, актуальным оставался вопрос о реформе избирательной системы и законодательного процесса. Если правые разрабатывали конкретные проекты реформы с целью ограничения прав парламента, то радикальные либералы (прогрессисты и кадеты) ограничивались узко-сословными проектами или лозунгом о введении всеобщего избирательного права. Важным оказался и вопрос о свободе слова (в связи с инициативой Маклакова частично восстановить предварительную цензуру). Подобные новые вопросы позволяли Думе объединиться на деструктивной почве, даже на короткое время завоевать политическую инициативу (как это случилось в период «министерской забастовки» 1913 г.), но не приносили успеха. В отсутствие масштабного общенационального кризиса Дума окончательно раздробилась.

«Новый курс» Кривошеина, одержавшего принципиальную (хотя и не окончательную) победу во внутриправительственной борьбе к началу 1914 г., стал попыткой перехода от администрирования к лавированию в качестве стержневого элемента политического курса. Великая война не изменила общего направления политического процесса, лишь придав ему дополнительную остроту. Война была политически выгодна всем, кроме правых: все их планы оказались свернуты. «Священное единение» стало попыткой сплотить общество вокруг власти под национальными, а не социальными лозунгами. Будучи тактическим приемом как правительства, так и, в еще большей степени, оппозиции, «священное единение» не было рассчитано на срок более нескольких месяцев.

Кривошеин поощрял общественную инициативу: созданные в начале войны на базе местного самоуправления общественные организации получили доступ к обеспечению тыла и щедрое государственное финансирование. Кривошеин рассчитывал купить лояльность оппозиции, однако общественные организации почти сразу включились в политическую борьбу. Парламентская оппозиция во главе с кадетскими лидерами ответила на лавирование Кривошеина «патриотической тревогой» и созданием Прогрессивного блока. В требования блока входило создание «министерства доверия», что на практике означало бы ликвидацию Третьеиюньской системы и создавало революционную ситуацию.

Порожденные войной социальные условия вели к тому, что прежние политические программы оказались неактуальными, а бюрократическая система управления требовала значительного совершенствования и прилива людей «извне». Власть запаздывала с принятием политических решений, что наиболее четко проявлялось в характере назначений министров, их разнохарактерности и отсутствии правительственного единства. В результате с осени 1915 г. в правящей среде произошло изменение политического поведения: вместо «левых» и «правых» на сцену вышли прагматики – технократы и политиканы. Первые стремились к политическому соглашению

правительства и общества на «деловой» платформе, вторые пытались заключить с оппозицией тактический сговор. Одним из следствий и признаков кризиса управления стало вмешательство в большую политику императрицы Александры Федоровны (хотя его не следует преувеличивать: оно никогда не было решающим). По мере нарастания кризиса усиливалось и внутреннее противостояние в правительственном аппарате, росла неспособность справиться с все более сложными задачами управления и развития. После отставки Трепова в декабре 1916 г. в правительстве был утерян реальный центр принятия решений, что сыграло решающую роль в февральских событиях 1917 г.

Оппозиция осенью 1915 г. оказалась перед дилеммой дальнейшей радикализации или политической гибели. Перманентный кризис Прогрессивного блока был его естественным состоянием. «Штурм власти» стал свидетельством общего коллапса правительства и оппозиции. Вместе с тем, в развитии революционных тенденций роль «штурма власти» оказалась крайне важной. Именно с этого времени революция стала не только вполне возможной, но и близкой перспективой.

Основные положения работы, выносимые на защиту:

1. В условиях постоянно возрастающих темпов социально-экономической трансформации в России начала XX в. повышалась степень значимости политического диалога власти и общественности. Основными субъектами политической ситуации в рамках Третьеиюньской системы первоначально выступали правительство П.А. Столыпина и доминировавшие в Думе октябристы. Столыпин – главный творец Третьеиюньской системы – рассматривал ее как инструмент политического взаимодействия власти с социальными верхами и «цензовой общественностью» с целью эффективного социально-экономического развития и предотвращения революционной угрозы. Октябристы, декларативно разделявшие взгляды премьера, рассчитывали на

усиление позиций своей партии за счет парламентских рычагов контроля над правительством.

2. Провозглашая и реализуя «националистическую» программу, Столыпин пытался расширить социальную базу своей политики. Следствием этого стало создание правительством Партии русских националистов (Всероссийского национального союза). В отличие от октябристов, бывших основной правительственной опорой прежде, но сохранявших политическую самостоятельность, националисты являлись инструментом правительства. Вместе с тем, националисты по своему социальному составу были демократичнее октябристов. «Националистический» курс не мог устраивать ни правых (в силу его парламентаристской и антисословной направленности), ни октябристов. Однако правые были крайне слабы, а всякая оппозиционная деятельность октябристов лишь подрывала позиции самой партии.

3. Русская либеральная оппозиция (в первую очередь, кадеты) настаивала на воплощении в России европейской модели будущего, которая даже на Западе существовала пока лишь как проект. На протяжении всего рассматриваемого периода парламентская оппозиция не могла противопоставить власти сколько-нибудь развернутую законодательную программу – как по причине малочисленности разработанных законопроектов, так и в силу непреодолимых противоречий между фракциями. Кадетская программа предполагала тотальный демонтаж Третьеиюньской системы. Адекватных эволюционных альтернатив, не провоцировавших острого политического кризиса, столыпинскому курсу сформулировано не было.

4. Основные сюжеты текущей политической полемики этого времени были связаны с вопросами взаимодействия правительства и парламента, а также перспективами развития местного самоуправления. Вопрос о западном земстве, ставший поводом для конституционного кризиса в марте 1911 г., был прежде всего вопросом о сословном, а не национальном характере земского электората.

5. Назначенный премьером после смерти Столыпина В.Н. Коковцов не имел возможности сплотить вокруг себя весь состав правительства: в результате Совет министров был обречен на внутренний конфликт. Это непосредственно сказалось и на Думе. Основная инициатива в ней постепенно переходила к левому центру (прогрессистам, кадетам). Эта тенденция стала фатальной для всей политической системы: законодательный процесс блокировался, а сам парламент превращался в деструктивную силу.

6. В отсутствие отчетливой правительственной стратегии каждая партия на думских выборах 1912 г. выстроила свою предвыборную стратегию на оппозиционных нотах. Неудачные ответные действия МВД по проведению в Думу якобы лояльных власти правых только усиливали политическую нестабильность. Политическое поражение потерпели все участники выборов, за исключением связанной с московскими торгово-промышленниками популистской партии прогрессистов. Появление и парламентский успех прогрессистов стали свидетельством неспособности правительства «оседлать» новые общественные настроения, связанные с экономическим подъемом. Вместе с тем, это явление было следствием разочарования общества в традиционных либеральных партиях – октябристах и кадетам. После скандальных выборов 1912 г. кризисное развитие ситуации вело к радикализации парламентских фракций. Центральными стали новые вопросы: о бюджетных правах Думы, депутатской неприкосновенности, свободе слова. Вопросы имели острый политический подтекст и потому были трудноразрешимыми.

7. В 1913 г. в правительстве оформились различные точки зрения о направлении дальнейшего политического развития. Если А.В. Кривошеин предлагал широкое соглашение с думским большинством на платформе последнего, то Н.А. Маклаков настаивал на фактическом сворачивании всей Третьеиюньской системы. Однако эта точка зрения не получила поддержки в правительстве, а политически близкие Маклакову правые в законодательных

палатах были слишком слабы. В конфликтах правых и правительства верховная власть в конечном счете занимала правительственную позицию.

8. «Новый курс» Кривошеина стал попыткой перехода от политического администрирования к лавированию. Война не изменила общего направления политического процесса, лишь придав ему дополнительную остроту. «Священное единение» стало попыткой сплотить общество вокруг власти под национальными, а не социальными лозунгами. Кривошеин поощрял общественную инициативу: созданные в начале войны на базе местного самоуправления общественные организации получили доступ к обеспечению тыла и щедрое государственное финансирование. Кривошеин рассчитывал купить лояльность оппозиции, однако общественные организации почти сразу включились в политическую борьбу. Парламентская оппозиция во главе с кадетскими лидерами ответила на лавирование Кривошеина «патриотической тревогой» и созданием Прогрессивного блока. В требования блока входило создание «министерства доверия», что на практике означало бы ликвидацию Третьеиюньской системы и создавало революционную ситуацию.

9. В результате разрастающегося политического кризиса с осени 1915 г. в правящей среде произошло изменение политического поведения: вместо «левых» и «правых» на сцену вышли «прагматики» и «политиканы». Первые стремились к политическому соглашению правительства и общества на «деловой» платформе. Вторые пытались заключить с оппозицией тактический сговор на конъюнктурной почве. Одним из следствий и признаков кризиса управления стало вмешательство в большую политику императрицы Александры Федоровны. Примирительная политика верховной власти вела к феномену «министерской чехарды»: по сути она стала неудачной попыткой перехода к политическому кабинету. По мере нарастания кризиса усиливалось и внутреннее противостояние в правительственном аппарате, росла неспособность справиться с все более сложными задачами управления и развития. После отставки А.Ф. Трепова в декабре 1916 г. в правительстве был

утерян реальный центр принятия решений, что сыграло решающую роль в февральских событиях 1917 г.

10. Оппозиция осенью 1915 г. оказалась перед дилеммой дальнейшей радикализации или политической гибели. «Штурм власти» стал свидетельством общего коллапса правительства и оппозиции. Вместе с тем, в развитии революционных тенденций роль «штурма власти» оказалась крайне важной: именно с этого времени революция стала не только вполне возможной, но и близкой перспективой.

Основное содержание диссертационной работы отражено в следующих **публикациях автора:**

Монографии по теме диссертации:

1. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М.: РОССПЭН, 2003. – 432 с.
2. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 604 с.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, утвержденных на основании решения Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова (по группе специальностей 07.00.00 - исторические науки и археология):

3. Андреев Д.А., Гайда Ф.А. В.И. Гурко и его воспоминания // Отечественная история. 2002. №6. С. 141–148.
4. Гайда Ф.А. Парламентская тактика конституционно-демократической партии летом 1915 года // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2002. № 5. С. 70–87.
5. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Россия и реформы. Сборник статей. Вып. 5. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. // Отечественная история. 2003. № 2. С. 191–192.

6. Гайда Ф.А. Кадеты и власть: горе от ума? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 89–93.
7. Гайда Ф.А. Обсуждаем энциклопедию «Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.» // Отечественная история. 2006. № 4. С. 96–97.
8. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. / Сост., автор предисл. и комм. М.А. Бабкин. М.: Индрик, 2006. – 504 с., илл. // Отечественная история. 2007. № 3. С. 195–196.
9. Гайда Ф.А. Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса Третьеиюньской системы (1911 – 1917) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 42–56.
10. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905 – 1917 гг.): Монография. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 227 с. // Отечественная история. 2008. № 2. С. 198–199.
11. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2007. – 532 с. // Отечественная история. 2008. № 5. С. 204–207.
12. Гайда Ф.А. Правящая бюрократия в восприятии российских консерваторов в период кризиса третьеиюньской системы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 2. С. 3–13.
13. Гайда Ф.А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьеиюньской системы (1911–1917) // Российская история. 2009. № 4. С. 77–90.
14. Гайда Ф.А. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад // Родина. 2010. № 10. С. 90–93.
15. Гайда Ф.А. Либералы и политический кризис 1914 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 5. С. 38–48.

16. Гайда Ф.А. В.Н. Коковцов в поисках политического курса (1911–1914) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 89–110.
17. Гайда Ф.А. Председатель отдела древесного топлива // Родина. 2011. № 5. С. 110–114.
18. Гайда Ф.А. Политическая обстановка в России накануне Первой мировой войны в оценке государственных деятелей и лидеров партий // Российская история. 2011. № 6. С. 123–135.
19. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. – 366 с. // Российская история. 2012. № 1. С. 177–179.
20. Гайда Ф.А. Эволюция внутривластного курса П.А. Столыпина и думское большинство в 1910–1911 годах // Российская история. 2012. № 2. С. 76–90.
21. Гайда Ф.А. Пламенный реакционер Николай Маклаков // Родина. 2012. № 7. С. 112–115.
22. Гайда Ф.А. О «дневнике Распутина» // Российская история. 2012. № 5. С. 203–205.
23. Гайда Ф.А. Предпоследний премьер-министр Российской империи А.Ф. Трепов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 4. С. 26–40.
24. Гайда Ф.А. П.А. Столыпин: консерватор и проблемы модернизации // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 5. С. 79–107.
25. Гайда Ф.А. «Будь я Карлейль, я написал бы “Жизнь, переписка и речи Керенского”» // Российская история. 2013. № 4. С. 8–13.
26. Гайда Ф.А. Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 57 (2). Вып. С. 23–37.

27. Гайда Ф.А. Активность правых нередко приближала их поражение // Российская история. 2014. № 3. С. 169–173.
28. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: А.П. Бородин. Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М: Алгоритм, 2013. – 448 с. // Российская история. 2014. № 3. С. 198–203.
29. Гайда Ф.А. Керженский дух // Российская история. 2014. № 4. С. 192–197.
30. Гайда Ф.А. «Заниматься политикой или заниматься кроватями?» // Родина. 2014. № 8. С. 88–90.
31. Гайда Ф.А. Книга, необходимая историкам Великой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 210–216.
32. Гайда Ф.А. «Священное единение», которого не было // Российская история. 2015. № 1. С. 158–161.
33. Гайда Ф.А. «Если бы только учителя наши больше говорили о России...». Юношеские годы будущих кадетских лидеров // Родина. 2015. № 2. С. 100–102.
34. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: А.В. Пыжиков. Питер – Москва. Схватка за Россию. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 464 с. // Российская история. 2015. № 5. С. 208–210.
35. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 599 с., ил. // Российская история. 2016. № 4. С. 189–193.

Другие публикации по теме диссертации:

36. Гайда Ф.А. Курс «священного единения» в оценке кадетского руководства и создание Прогрессивного блока (1914–1915 гг.) // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. 2002. № 1. С. 27–34.
37. Гайда Ф.А. Прогрессивный блок в оценке русской либеральной оппозиции (1915–1917) // Последняя война императорской России. Сборник статей под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 92–114.
38. Гайда Ф.А. Кадеты: к вопросу о политической природе непримиримой либеральной оппозиции в России // Человек – культура – общество.

Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований. Материалы Международной конференции, посв. 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. М.В. Ломоносова. 13–15 февраля 2002 г. В 4 т. М., 2002. Т.3. С. 240–241.

39. Gayda F. February 1917. Revolution, Power, and Bourgeoisie // *Russian Studies in History*. 2003. Spring. Vol. 41. No 4. Pp. 9–30.

40. Gayda F. The February Revolution and the Fate of the State Duma // *Russian Studies in History*. 2003. Spring. Vol. 41. No 4. Pp. 31–51.

41. Gayda F. The Provisional Government's Mechanism of Power (March – April 1917) // *Russian Studies in History*. 2003. Spring. Vol. 41. No 4. Pp. 52–72.

42. Gayda F. Liberals on the Home Front. The Impact of Revolution on the Establishment of the Parliamentary Opposition (1914 – February 1917) // *Russian Studies in History*. 2003. Spring. Vol. 41. No 4. Pp. 73–92.

43. Гайда Ф.А. К вопросу о характере русского радикального либерализма // *Философия и будущее цивилизации. / Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.)*. М., 2005. Т. 5. С. 628.

44. Гайда Ф.А. Что русского в русском либерализме? // *История русской мысли. / Вып. 3*. М., 2005. С. 139–150.

45. Гайда Ф.А. Кадеты и проблема парламентского большинства в IV Государственной думе // *Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева*. СПб., 2006. С. 95–105.

46. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002. – 302 с. // *Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. IV*. М., 2007. С. 332–337.

47. Gayda F. The Russian Government as Percieved by the Parliamentary Opposition (1911–1917) // *Russian Studies in History*. Summer 2007. V. 46. No 1. Pp. 76–86.

48. Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс]; МГУ им. М.В. Ломоносова, Ист. фак-т. М., 2008. С. 647–656.
49. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века (князь В.П. Мещерский). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004. – 420 с. // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. V. М., 2008. С. 338–341.
50. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция и проблема парламентского большинства в период кризиса третьеиюньской системы (1911–1917) // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: Всероссийская научно-практическая конференция 10–12 сентября 2008 г., ЯГУ им. П.Г. Демидова: сборник докладов и материалов конференции. Отв. ред. В.М. Марасанова. М., 2008. С. 151–154.
51. Гайда Ф.А. «Просто «мы»»: А.В. Кривошеин и кадеты в поисках согласия (1913–1914) // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. 2009. № 4. С. 41–51.
52. Гайда Ф.А. П.Н. Милюков: историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943). Материалы Международного научного colloквиума (Москва, 23–25 сентября 2009 г.). М., 2010. С. 37–44.
53. Гайда Ф.А. Последние месяцы П.А. Столыпина: политическая ситуация после мартовского кризиса 1911 г. // Ключевские чтения – 2010. История России: личность, общество и природа страны: Материалы Всероссийской научной конференции: Сборник научных трудов. М., 2010. С. 47–55.
54. Гайда Ф.А. Кадеты на переломе Третьеиюньской системы: оценка политических перспектив (1910–1911 гг.) // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. /

Сборник научных статей. Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2010. С. 240–250.

55. Гайда Ф.А. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. С. 192–202.

56. Гайда Ф.А. «Вехи» в контексте полемики об интеллигенции: ревизия идеала или идеал ревизии? // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Т. 2. Материалы. М., 2011. С. 126–129.

57. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: И. В. Алексеева Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009. // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. X. М., 2011. С. 426–432.

58. Гайда Ф.А. Консервативные проекты реформы парламента в третьеиюньский период // Ключевские чтения – 2011. Т. 2. Модернизационные процессы в России: XIX – XXI вв. К 150-летию отмены крепостного права. Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2011. С. 243–246.

59. Гайда Ф.А. Правительствонные назначения и отставки в третьеиюньский период: традиция и инновации // Ключевские чтения – 2011. Т. 2. Модернизационные процессы в России: XIX – XXI вв. К 150-летию отмены крепостного права. Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2011. С. 269–277.

60. Гайда Ф.А. Партийная идеология и политическая практика кадетов весной – летом 1917 г. // Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 199–208.

61. Гайда Ф.А. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков: политическая карьера русского Полиньяка // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. XI. М., 2012. С. 174–207.
62. Гайда Ф.А. Кадетская политическая стратегия в июле 1914 – феврале 1917 гг.: рамки, мотивы, альтернативы // Время выбрало нас: путь интеллектуала в политику / Сборник научных статей. Орел, 2012. С. 117–126.
63. Гайда Ф.А. Как октябристы стали оппозицией // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. Сост. В.Б. Каширин. М., 2012. С. 238–269.
64. Гайда Ф.А. Политический курс П.А. Столыпина и думское большинство в 1910–1911 гг. // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция: Москва, 28–30 сентября 2011 г. М., 2012. С. 38–51.
65. Гайда Ф.А. «Бескровная младотурецкая революция»: как реализовалась программа «Вех»? // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. XIII. М., 2013. С. 112–120.
66. Гайда Ф.А. «Внутренний фронт»: эволюция взгляда русской либеральной оппозиции на Первую мировую войну (1914–1917) // Ключевские чтения – 2012. Российская государственность и освободительные войны. Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2013. Т. 2. С. 62–66.
67. Гайда Ф.А. Либеральные партии и общественные организации (1914 – февраль 1917 гг.) // Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Т. 1. СПб.: Лики России, 2014. С. 269–391.
68. Гайда Ф.А. Кадеты: направления и перспективы внепарламентской партийной активности в третьеиюньский период // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Пятое «Муромцевские чтения». / Сборник научных статей. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2013. С. 236–244.

69. Гайда Ф.А. Проблема модернизации России в политической программе и деятельности П.А. Столыпина // От Древней Руси к Российской Федерации: История российской государственности. / Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ им М.В. Ломоносова, 28–29 сентября 2012 г. СПб., 2013. С. 429–437.
70. Гайда Ф.А. «Министерская чехарда»: к вопросу о причинах и характере явления // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Сборник статей / Сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. С. 147–157.
71. Гайда Ф.А. Правые кадеты: поиски новой повестки для партии (1909–1914) // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел – Госуниверситет – УНПК. / Сборник научных статей. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2014. С. 328–336.
72. Гайда Ф.А. «Министерство доверия» и «ответственное министерство»: сравнительный анализ содержания и применения двух лозунгов // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 205–209.
73. Гайда Ф.А. Национализм в правительственной политике П.А. Столыпина // Вопросы национализма. 2015. № 21. С. 155–162.
74. Гайда Ф.А. Правый раскол в кадетской партии: причины и возможности // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г. Сборник научных статей. / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х частях. СПб.: Изд-во «ЭлекСис», 2015. Ч. 1. С. 216–222.
75. Гайда Ф.А. К вопросу о политическом влиянии императрицы Александры Федоровны // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. XVIII. М., 2015. С. 378–387.
76. Гайда Ф.А. Русское политическое масонство накануне Первой мировой войны: партийный контекст (1912–1914) // Народ и власть: взаимодействие в

истории и современности: сб. научн. тр. / отв. ред. И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев. Вып. 2. Нижний Новгород: ООО «Растр», НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2015. С. 399–407.

77. Гайда Ф.А. Либералы и церковь в начале XX в. // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1–3 октября 2015 г., г. Орел, Приокский государственный университет. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2015. – 352 с. С. 154–163.

78. Гайда Ф.А. Рец. на кн.: Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х частях. СПб.: ЭликСис, 2014. Ч. 1. – 360 с.; Ч. 2. – 180 с. // Исторический журнал: Научные исследования. 2015. № 4 (28). С. 515–518.

79. Гайда Ф.А. Столыпин и эволюция правительственного курса в церковной сфере // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 106–108.

80. Гајда Ф. Балкан и руска либерална опозиција (1908–1914) // Векови: Историјски часопис Андрићевог института. № 2. Андрићград, 2015. С. 45–51.

81. Гайда Ф.А., Колеров М.А. Рец. на кн.: Русский либерал на встрече с историей / Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н. И. Канищева. М., 2012. – 1111 с. // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. XIX. М., 2016. С. 635–654.

82. Гайда Ф.А. «Нам предлагают вести наступательную политику – польскую, украинскую, еврейскую, а вдруг польская столкнется с еврейской?!» Кадеты и национальный вопрос в западных губерниях Российской империи (1907–1914) // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. Т. XXI. М., 2016. С. 257–271.

83. Гайда Ф.А. Морально-этические аспекты в оценке радикальными либералами российского правительства в третьеиюньский период (1907–1917) // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 6–8 октября 2016 г., Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2016. – 318 с. С. 252–257.